Автор: Автор

Мы продолжаем публикацию воспоминаний о протопресвитере Иоанне Мейендорфе (1926–1992) отрывками (в переводе с французского) из доклада на конференции, состоявшейся 9-12 февраля 2012 года в Парижском Свято-Сергиевском Институте, его ученика – профессора Йооста ван Россума, преподающего в Институте церковную историю. Нам показалось важным ознакомить Вас с ними, поскольку здесь осмысление значимости деятельности о. Иоанна Мейендорфа для Православной Церкви тесно сопряжено с переживанием опыта личного общения автора с этим выдающимся богословом, с воспоминаниями об учителе, запечатленными в дневниковых записях ученика. Именно это ощущение непрерывного отношения личности к личности не покидает на протяжении всего текста, где многое из сделанного о. Иоанном не изложено, а передано автором как часть и его собственной жизни, поскольку он либо присутствовал при этом, либо ощутил влияние уже свершившегося посредством личной встречи. Полностью доклад будет опубликован в журнале «Христианская мысль».

Хочется сказать несколько слов и о самом авторе. Йоост ван Россум – сын протестантского пастора из Голландии, принял Православие в годы учебы в Лейденском университете и по его окончании, по совету о. Николая Озолина, который тогда работал в этом же университете, в 1974 году продолжил учебу в Свято-Владимирской Православной Семинарии (Крествуд, Нью-Йорк), где подготовил под руководством о. Иоанна Мейендорфа докторскую диссертацию «Паламизм и церковная традиция: паламизм, употребление им святоотеческой традиции и его отношение к томистскому учению», которую защитил в 1985 году в Фордхэмском университете. Профессор Йоост ван Россум с 1985 по 1996 гг.

работал в Свято-Германовской Семинарии на Аляске, одновременно с 1986 по 1996 гг. как приглашенный профессор преподавал в Свято-Сергиевском Институте, с 1997 г. работает в нем на постоянной основе. Круг научных интересов: византийское богословие и духовность, в особенности богословие св. Григория Паламы. Почетный член Киевского Религиозно-философского общества, постоянный участник конференций общества и автор журнала «Христианская мысль», статьи которого представляют собой редкое сочетание высокой эрудиции, тонкого анализа и прекрасного стиля изложения.

Тема этого доклада «Жизнь, посвященная науке и Церкви». Возможно, мне следовало бы изменить порядок и сказать «Церкви и науке», поскольку главным для о. Иоанна было служить Церкви. По-видимому, что академическая карьера не была приоритетом в его жизни. Но для него служить Церкви представлялось невозможным без некоторого научного фундамента. Как можно обсуждать проблемы церковной жизни без обращения к ее историческим и богословским истокам? По этой причине он считал необходимым продолжать свои научные исследования. Промысел был в том, что он имел возможность преподавать в университете Фордхэм в Нью-Йорке, расположенном неподалеку от Свято-Владимирской Семинарии, так он смог сочетать занятия в университете с преподаванием в Семинарии. Все его сослуживцы по Свято-Владимирской Семинарии, вне сомнения, опасались, что вскоре он может уехать преподавать в Гарвард или Йель и должен будет покинуть Семинарию. Но у о. Иоанна не было потребности занять кафедру в этих признанных научных центрах, чтобы получить определенную репутацию в университетских кругах: в этом смысле его контакты не ограничивались Фордхэмом. Следует упомянуть, в частности, известный центр византийских исследований Dumbarton Oaks в Вашингтоне, где он выполнял множество обязанностей: а именно – исследователя, и.о. руководителя (в тот год, когда он взял годичный отпуск в Семинарии) и до конца своей жизни члена Попечительного Совета.

Кроме академической и научной деятельности, не говоря уже о его пастырском служении в приходском храме Свято-Владимирской Семинарии, о. Иоанн активно участвовал в церковной жизни, не только в США, но также и в экуменическом движении. Он был членом комиссии «Вера и устройство» Всемирного совета Церквей и его президентом в течение 10 лет, с 1967 по 1976 гг.

Новая глава в жизни отца Иоанна началась после смерти отца Александра Шмемана. Для всех было очевидно, что о. Иоанн должен стать его преемником на посту декана Свято-Владимирской Семинарии и, действительно, он был избран административным советом на эту должность единогласно. Но на самом деле новое положение было для отца Иоанна ношей, которую он смиренно взял на себя, т.к. по своей натуре был, прежде всего, ученым, в нем не было абсолютно ничего от «управленца». Теперь он был вынужден заниматься финансовыми вопросами и всем, что касается повседневной жизни Семинарии. Однажды о. Иоанн доверился нам: «Я мог бы уже написать две книги…»

Отличительной чертой его преподавания и текстов была ясность, с которой он раскрывал предмет. Его стиль никогда не был помпезным или елейным. Он был настоящим *дидаскалом*, который имел особый дар излагать богословские и исторические вопросы, даже самые сложные, ясным и понятным способом. Во время своих лекций он всегда предлагал студентам задавать ему вопросы: «Я хочу, чтобы Вы мне задавали вопросы (Я хочу слышать вопросы!)», фраза, которую он повторял на всех своих занятиях. Более того, он часто приглашал студентов к себе домой, где мы говорили на самые разные темы: Церковь, культура, политика…

Другой особенностью его личности были простота и сдержанность, что особенно проявлялось в том, как он совершал богослужения и проповедовал. Его духовные советы всегда были простыми, но это не значило поверхностными. Он говорил тем, кто у него исповедовался и спрашивал, как следует готовиться к исповеди: «Будьте, как дети».

Что меня особенно поражало в нем – это его интеллектуальная честность. Он всегда принимал критику в том, что касалось его научных исследований, если она была справедливой и правильной. Например, я помню, как он сказал о критических замечаниях, сделанных о. Иоанном Романидисом, утверждавшим, что о. Иоанн ошибся, назвав Варлаама «номиналистом»: «В сущности он (Романидис) был прав»…

Публикация в 1959 г. его докторской диссертации «Введение в изучение Григория Паламы» ознаменовала начало академической карьеры о. Иоанна Мейендорфа. Это исследование, скромно представленное как «введение», станет основополагающим трудом по изучению наследия этого византийского богослова, и даже сегодня без нее не может обойтись ни один специалист в области византийской истории и богословия. О. Иоанн внес важнейший вклад в возрождение исследования Паламы, богословская мысль которого в той или иной мере была забыта в период «западного пленения», если использовать выражение о. Георгия Флоровского. Это возобновление интереса

началось уже в начале XX века: в частности, следует упомянуть исследования владыки Василия (Кривошеина) и о. Димитру Станилоэ. Кроме того, на Западе, во Франции в 20–30-х годах были опубликованы работы Мартина Жюжи и о. Себастьяна Гишардэна, посвященные Паламе. Но эти исследования несли на себе отпечаток томизма и, следовательно, имели целью показать «еретичность» богословия Паламы. В этом смысле мы можем также говорить о неком «переоткрытии», поскольку уже в XVI веке Пэто (Petavius) характеризовал богословие Паламы как «смешные поучения». Как раз для того, чтобы ответить на эти обвинения западных теологов-томистов, Владимир Лосский и представил богословие Григория Паламы как некий ответ на теологию томизма (и, кроме того, как ответ на русскую софиологию).

Я никогда не спрашивал у о. Иоанна, почему он выбрал богословие св. Григория Паламы в качестве темы докторской диссертации. Как я только что отметил, сюжет не отличался новизной: уже существовали исследования, посвященные этому византийскому богослову. Кроме того, и его профессор патрологии в Свято-Сергиевском Институте, отец Киприан (Керн) написал докторскую диссертацию «Антропология св. Григория Паламы», которая была опубликована в 1950 г. Если сравнить между собой подходы Владимира Лосского и о. Иоанна, различие окажется существенным. Подход Лосского можно охарактеризовать как «концептуальный» т.к. он стремился ответить на выпады против Паламы со стороны томистов, которые не могли принять паламитское богословие о «нетварной благодати» и о существовании реального, а не только номинального, различия в Боге – между Божественной сущнотью и Божественными энергиями. Подход о. Иоанна был иным. Прежде всего, его изучение Паламы было *истор ическим*
. В первой части его книги рассматриваются жизнь Паламы и исихастские споры. Во второй – богословие Паламы, духовность исихастского движения и, в связи с этим, тема «знания» Бога, т.е. Божественной благодати. Только в последней части, названной «Богословие бытия», о. Иоанн переходит к богословию Паламы в чистом виде, которое иногда называют «паламизмом», к различию между сущностью или природой Бога и Божественными энергиями. Для Лосского, отправной точкой было тринитарное богословие. Он рассматривал богословие Паламы с догматической точки зрения. Отец Иоанн Мейендорф, в свою очередь, начинает с исихастских споров. Центральной темой этих споров была вера в обожение человека, ставшего возможным благодаря воплощению Бога Сына. О. Иоанн использует выражение «мистика Боговоплощения» для характеристики исихастской духовности. Оба подхода, Лосского и Мейендорфа, не исключают друг друга. Лосский также подчеркивал, что не следует противопоставлять мистику и богословие, как видно из названия первой опубликованной им работы – «Мистическое богословие Восточной Церкви». Мейендорф, со своей стороны, показал, что богословие Паламы касается тайны Св. Троицы, что Божественные энергии не являются безличными, как в случае с неоплатонизмом: Бог во всей полноте, т.е. Три Лица Св. Троицы, присутствует в Божественных энергиях. Но эти два подхода и различны, поскольку отличается контекст, в котором эти два богослова рассматривают богословие Паламы.

Я помню, как на одной из лекций в Свято-Владимирской Семинарии о. Иоанн вынужден был заметить: «Книга Лосского блестяща. Но ему следовало бы начать изложение с Боговоплощения, которое составляет основу христианской духовности, а не с апофатического богословия и Псевдо-Дионисия».

Исходя из тайны Боговоплощения как основания богословия Паламы, о. Иоанн поместил это богословие в экклезиальный и сакраментальный контекст. Этот контекст особенно просматривается в «Гомилиях» Паламы, о которых не следует забывать, изучая его богословие. Но и в своих полемических сочинениях Палама также уделяет внимание таинствам Крещения и Святого Причастия. Мейендорф хотел подчеркнуть, что полемика противников Паламы, которых он называл византийскими «гуманистами», была фактически наступлением на сакраментальную жизнь Церкви, на реальность ее таинств. *Я думаю, что здесь следует искать ключ к разгадке интереса о. Иоанна к мысли этого византийского богослова.* Речь не идет просто об интеллектуальной и академической любознательности: его исследование основывалось на его глубокой связи с Церковью, или, как принято говорить, на его церковности. Исихастские споры были критическим событием для Церкви, ибо она оказалась перед опасностью лишиться своей бытийной основы, цели каждого члена Церкви – обожения, которое дано с самого начала в сакраментальной жизни Церкви. Это та причина, по которой о. Иоанн использовал термин «номинализм», когда говорил о богословии основного противника Паламы, Варлаама Калабрийского. В научном плане можно критиковать употребление этого термина в данном контексте, как это уже делали (например, Романидис), поскольку следует быть осторожным, используя термины западной схоластики в отношении византийского богословия. Но главный аргумент о. Иоанна понятен: сама природа Церкви как «жизни во Христе», в прямом смысле, т. е. реальность ее таинств и ее духовности, оспаривалась противниками Паламы. Вкратце, весь этот спор касался Церкви, речь шла не просто о некой концепции, абстрактной доктрине, но о богословии как выражении живого опыта Церкви, а не схоластической «системе».